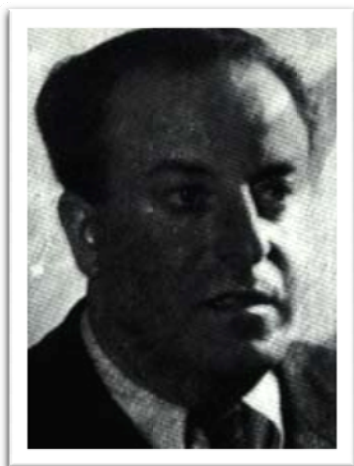

ГПУ убивает и за границей

Игнатий Райсс

4 сентября вблизи Лозанны было обнаружено изрешетенное пулями тело. На убитом был найден паспорт на имя чехословацкого гражданина Германа Эбергарда.

В действительности это был — Игнатий Райсс, работник нелегального советского аппарата за границей, за несколько недель до убийства порвавший со Сталиным и ставший под знамя Четвертого Интернационала.

Игнатий Райсс родился 1 января 1899 года в мелкобуржуазной еврейской семье в Польше. Ещё на гимназической скамье он примкнул к революционному движению, которое захватило его целиком, когда он учился на юридическом факультете Венского университета. Будучи членом австрийской КП, И. Райсс в 1920 г. посылается на нелегальную работу в Польшу. Вскоре последовал арест, пытки и приговор к пяти годам тюрьмы. Но через полгода тов. Райссу удалось (под залог) снова получить свободу. Совсем молодым, в героическую эпоху русской революции, Райсс вступает в непосредственную связь с Москвой, по заданиям которой он с того времени работает: в 1923—1926 гг. — нелегально в Германии (в Рурской области); вернувшись в Вену, и проведя там некоторое время в тюрьме, он в 1927 году едет в Москву и становится членом ВКП. Ближайшие годы проходят на нелегальной работе в разных странах Центральной и Восточной Европы; в 1929—1932 гг. — в центральном аппарате в Москве, затем снова за границей.

Тов. Райсс верил или старался верить, что служит делу рабочего класса, а не сталинской клике. Но сомнения мучили его все больше. В 1936—1937 гг. ускорившееся разложение сталинщины, и в частности, московские процессы, глубоко потрясшие Райсса, толкнули его к выводу, что нужно резко и навсегда порвать со сталинской кликой. Большое моральное и личное мужество требовалось, чтоб вычеркнуть из жизни многие годы самоотверженной работы, чтоб пойти на разрыв со Сталиным — Ежовым. Игнатий Райсс лучше, чем кто бы то ни было, знал, что ему грозит. Но решение его было непреложно.

Связавшись весной этого года со сторонниками Четвертого Интернационала, И. Райсс прежде всего предупредил их о том, что в Москве принято решение любыми средствами «ликвидировать» заграничных троцкистов и антисталинских коммунистов.

В порядке этой директивы — в Испании агенты ГПУ убили Андрея Нина; в Чехословакии Сталин — Ежов инспирировали дело старого оппозиционера и бывшего издателя «Бюллетеня» А. Грилевича, по обвинению в шпионаже в пользу Гитлера. Все это только «скромное» начало гораздо более широкого плана.

В июле 1937 г. тов. И. Райсс посылает — под псевдонимом Людвиг — письмо в ЦК ВКП о разрыве со Сталиным и покидает тот весьма ответственный пост, который он занимал. В ответ на это заявление будущие убийцы тов. Райсса рассылают полициям европейских стран анонимный и обстоятельный донос на покойного, изображая его уголовным преступником.

Порвав со своим прошлым, И. Райсс строит планы на будущее, планы революционной и литературной работы в рядах Четвертого Интернационала. Он надеется завоевать и некоторых из своих бывших товарищей. С этой целью он встречается 4 сентября в Лозанне с некоей Гертрудой Шильдбах (рожденной Нейгебауер), сотрудницей ГПУ, работавшей в последнее время в Италии. Близко зная её в течение 20 лет, И. Райсс относится к ней с полным доверием. На свидании, происходящем в присутствии жены тов. Райсса, Г. Шильдбах говорит о том, что она якобы также хочет порвать со сталинщиной. Собеседники обсуждают планы на будущее, тов. Райсс советует Шильдбах присоединиться к Четвертому Интернационалу. Вечером Шильдбах приглашает тов. Райсса поужинать с ней в окрестностях Лозанны. При выходе из ресторана к ним подъезжает машина; Райсс оглушен ударом кистеня, втащен в автомобиль и убит. В теле покойного найдено было семь пуль. Пять из них попало в голову. И. Райсс жестоко отбивался. В его сжатой руке найден был клочок волос, предавшей и продавшей его Шильдбахи Бросив окровавленную машину в Женеве, физические убийцы, — их было по данным швейцарской полиции по меньшей мере пять человек, — выехали на такси в Шамоникс, а оттуда поездом в Париж.

Швейцарской полиции удалось захватить лишь швейцарскую сталинку, на имя которой был нанят автомобиль, и чемодан Гертруды Шильдбах, оставленный ею в гостинице. Среди вещей были найдены многочисленные фотографии Шильдбах. В брошенном убийцами автомобиле было найдено пальто с клеймом мадридской фирмы.

Если физические убийцы не были обнаружены, то имя действительного убийцы — известно всем. Как и при краже архивов Троцкого, Сталин даже не позаботился о том, чтобы замести следы. Одним убийством меньше или больше — не все ли равно. Ему больше нечего терять!

Израсходовав все ресурсы, в том числе и ресурсы клеветы, — а такой клеветы ещё не знала история! — Сталин уже не выпускает маузера из рук. Страх этого человека так же велик, как и его преступления. Он никому не верит и всех боится. Он ведет чисто животную борьбу за власть, за самосохранение, за жизнь. Чтоб держать в повиновении военную касту, Сталин убивает наиболее выдающихся её представителей. Чтоб держать в трепете хозяйственников, Сталин расстреливает Пятакова и др. Чтоб держать в руках так называемое Политбюро (существующее лишь на бумаге), Сталину сегодня не остается ничего другого, как

убить одного из его членов (Рудзутака). ГПУ Сталин доверяет не больше, чем другим учреждениям, но его больше боится. Не даром аппарат ГПУ совершенно разгромлен и обновлен не только на верхушке, но и во всех звеньях. Полному разгрому подвергся и заграничный аппарат ГПУ, его наиболее уязвимое место. Всех старых работников этого аппарата под тем или иным предлогом вызывают в Москву и там — сразу или после фиктивного «промежуточного» назначения — расстреливают. Неудивительно в этих условиях, что работники ГПУ деморализованы вконец, и, что те из них, которые находятся за границей, не всегда возвращаются в Москву. Лучшие же, по примеру погибшего товарища, ищут путей назад — под старое знамя Ленина.

Игнатий Райсс был убит не только для того, чтобы удовлетворить сталинскую ненасытную жажду мести (сперва убить, а потом пойти спать), но прежде всего из чувства панического страха. «Отец народов» со своими Ежовыми слишком хорошо знают сколько потенциальных Райссов имеется во всех аппаратах. Лозанское убийство должно им всем — и не только им — послужить предупреждением. Можно не сомневаться в том, что цель не будет достигнута. Вывод, который в отношении себя сделают из этого трагического дела все поставленные за границей под удар товарищи, будет: усилить меры самообороны!

Сталинщина разлагается с чудовищной быстротой. Московские процессы, которые по замыслу их автора, должны были быть свидетельством его полного триумфа, на самом деле дали могучий толчок к дальнейшему разложению. Погибший тов. Райсс подтвердил, что в Москве никто, ни один мало—мальски осведомленный человек, не верит в сталинские обвинения и «по троцкистски» расценивает кремлевские судебные инсценировки. Он также подтвердил, что не «покаяться» — значит быть расстрелянным до суда и без суда. Он указал на лично хорошо ему известный факт: ГПУ пыталось включить в процесс Зиновьева чекиста Фридмана. Но так как оно натолкнулось на категорический отказ его дать требуемое «признание», Фридман был расстрелян ещё до процесса 16-ти.

Имя Фридмана было упомянуто на процессе 16-ти в качестве одного из обвиняемых. «Бюллетень» тогда же высказал уверенность: отсутствие Фридмана на скамье подсудимых объясняется тем, что его не удалось сломить; ГПУ расстреляло Фридмана без суда.

Нельзя не отметить того обстоятельства, что мировая капиталистическая печать обошла молчанием убийство Игнатия Райсса. В этом нет ничего удивительного. Убийства Сталиным революционеров не только оставляют буржуазию равнодушной, но и радуют её. С тем большей энергией обязана рабочая печать и рабочие организации разоблачать сталинские преступления. Только широкая огласка преступления поможет надеть намордник на взбесившегося узурпатора. Только широкая огласка поможет оградить новые жертвы, намеченные в кабинете Сталина.

Расчеты Сталина будут биты в этой области, как и во всех других. Маузером нельзя остановить хода исторического развития. Сталинизм обречен, он гниет

и разлагается на наших глазах. Близок день, когда смердящий труп его будет выброшен в помойную яму истории.

Н. Маркин.

Письмо в Ц.К. В.К.П.

Письмо, которое я Вам пишу сегодня, я должен был написать уже давно, в тот день, когда «шестнадцать» были убиты в подвалах Лубянки по приказу «отца народов».

Я тогда молчал, я не поднял голоса протеста и при последующих убийствах, и за это я несу большую ответственность. Велика моя вина, но я постараюсь её загладить, быстро загладить и облегчить этим свою совесть.

Я шел вместе с вами до сих пор — ни шагу дальше. Наши дороги расходятся! Кто теперь ещё молчит, становится сообщником Сталина и предателем дела рабочего класса и социализма.

С двадцатилетнего возраста я веду борьбу за социализм. Я не хочу теперь, на пороге пятого десятка, жить милостями Ежова.

У меня за плечами 16 лет нелегальной работы, — это не мало, но у меня ещё достаточно сил, чтобы начать все сначала. А дело именно в том, чтоб «начать все сначала»; в том, чтоб спасти социализм. Борьба началась уже давно, — я хочу в ней найти свое место.

Шум, поднятый вокруг полярных летчиков, должен заглушить крики и стоны терзаемых в подвалах Лубянки, в Свободной, Минске, Киеве, Ленинграде и Тифлисе. Этому не бывать. Слово, слово правды, все ещё сильнее самого сильного мотора с любым количеством лошадиных сил.

Верно, что летчикам-рекордсменам легче добиться расположения американских леди и отравленной спортом молодежи обоих континентов, чем нам завоевать мировое общественное мнение и потрясти мировую совесть! Но не надо себя обманывать, правда проложит себе дорогу, день суда ближе, гораздо ближе, чем думают господа из Кремля. Близок день суда международного социализма над всеми преступлениями последних десяти лет. Ничто не будет забыто и ничто не будет прощено. История строгая дама и «гениальный вождь, отец народов, солнце социализма» должен будет дать ответ за все свои дела. Поражение китайской революции, красный референдум и поражение немецкого пролетариата, социал-фашизм и народный фронт, признания, сделанные Говарду и нежное воркование вокруг Лавалю; одно дело гениальнее другого!

Процесс этот состоится публично, со свидетелями, многими свидетелями, живыми и мертвыми; все они ещё раз заговорят, но на сей раз скажут правду, всю правду. Они явятся все — невинно убитые и оклеветанные — и международное

рабочее движение их реабилитирует, всех этих Каменевых и Мрачковских, Смирновых и Мураловых, Дробнисов и Серебряковых, Мдивани и Окуджава, Раковских и Нинов, всех этих «шпионов и диверсантов, агентов Гестапо и саботажников».

Чтобы Советский Союз, и вместе с ним и все международное рабочее движение не стали окончательно жертвой открытой контрреволюции и фашизма, рабочее движение должно изжить своих Сталиных и сталинизм. Эта смесь из — худшего, ибо беспринципного, — оппортунизма, с кровью и ложью грозит отравить весь мир и уничтожить остатки рабочего движения.

Самая решительная борьба со сталинизмом.

Не народный фронт, а классовая борьба; не комитеты, а вмешательство рабочих для спасения испанской революции — вот что стоит сейчас в порядке дня!

Долой ложь о социализме в одной стране и назад к интернационализму Ленина!

Ни II, ни III Интернационал не способны выполнить эту историческую миссию; разложившиеся и коррумпированные, они могут только удерживать рабочий класс от борьбы; они только ещё пригодны на то, чтоб играть роль помощников полицейских для буржуазии. Какая ирония истории: раньше буржуазия поставляла из собственных рядов Кавеньяков и Галифэ, Треповых и Врангелей, а теперь под «славным» руководством обоих Интернационалов пролетарии сами выполняют работу палачей в отношении своих товарищей. Буржуазия может спокойно заниматься своими делами; везде царит «спокойствие и порядок»; есть ещё Носке и Ежовы, Негрины и Диазы. Сталин их вождь, а Фейхтвангер их Гомер.

Нет, я больше не могу. Я возвращаю себе свободу. Назад к Ленину, его учению и делу.

Я хочу предоставить свои скромные силы делу Ленина; я хочу бороться и только наша победа — победа пролетарской революции — освободит человечество от капитализма и Советский Союз от сталинизма.

Вперед к новым боям за социализм и пролетарскую революцию!
За организацию IV Интернационала.

Людвиг (Игнатий Райсс).
17 июля 1937 г.

P.S. В 1928 году я был награжден орденом «Красного знамени» за мои заслуги перед пролетарской революцией. При сем возвращаю вам этот орден. Носить его одновременно с палачами лучших представителей русского рабочего класса — ниже моего достоинства.

(В «Известиях» за последние 14 дней были приведены имена награжденных орденами; функции их стыдливо не были упомянуты: они состоят в приведении приговоров в исполнение).